

– адсутнасць забароны нашэння узнагарод СССР, дзяржаўныя ўзнагароды РБ па закону РБ ад 2.07 1997 размяшчаюцца перад узнагародамі СССР.

Кароткі агляд паказвае даволі стыхійны характар складання забытанай і нелагічнай узнагароднай сістэмы СССР, якая яшчэ пэўны час будзе нашай сучаснасцю.

1. Ордена и медали СССР. – М., 1986.
2. Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. – М., 1987.
3. Деммени, М.Г. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г / М.Г. Деммени. – Спб., 1887 – Вып. 1–3.
4. Дуров, В.А. Русское наградное оружие XVIII – начала XX вв. / В.А. Дуров. – Москва–Смоленск, 1994.
5. Дуров, В.А. Ордена России/ В.А. Дуров. – М., 1993.
6. Ильинский, И.Н. Геральдика трудовой славы / И.Н. Ильинский. – М., 1987.
7. Колесников, Г.А. Ордена и медали СССР / Г.А. Колесников, А.М. Рожков. – М., 1974.
8. Кузнецов, А.А. Награды: Энциклопедический путеводитель по истории российских наград / А.А. Кузнецов. – М., 1999
9. Куценко, А. Ордена Советских республик / А. Куценко, Ю. Смирнов. – Донецк, 1996.
10. Лобусов, В. Награды ЦК ВЛКСМ / В. Лобусов, Ю. Лавриненко. – М., 1976.
11. Петерс, Д.И. Наградные медали России XIX – начала XX веков: Каталог. / Д.И., Петерс. – М., 1989.
12. Шевелева, Е. Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков / Е. Шевелева. – Ленинград, 1962.

Соботковская О.Н. (Брестский государственный технический университет)

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОВЕТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

В последние годы в связи с распадом СССР и снятием барьеров, препятствующих широкому контактам жителей постсоветского пространства с гражданами других стран, стали отчетливо заметны многочисленные отличия советских людей от представителей иных культур. В этой связи в науку и публицистику вошло и прочно в ней закрепились характеризующие психологический аспект этих отличий понятие «менталитет».

Категория «менталитет» стала активно употребляться в науке с конца 1980-х гг. XX века, однако до сих пор она является предметом споров и обсуждений ученых с точки зрения ее составляющих, а также схожих с понятием «менталитет» терминов. Что касается подходов к рассмотрению данного феномена, то и здесь не наблюдается единства мнений. В каждом подходе упор сделан на определенную сторону: историю (исторические процессы и менталитет), психологию (психический склад), философию (коллективное бессознательное, душа, дух народа) и т.д.

У истоков психологического подхода стоял К.Г. Юнг; его работу «Коллективное бессознательное», опубликованную в 1921 году, можно отнести как к философскому, так и к психологическому направлению исследования менталитета [2]. В наше время исследованиям менталитета посвящены работы Т.В. Ивановой (городская ментальность) [3], К.А. Абульхановой (менталитет как психосоциальная реальность) [1] и др. В учебнике В.Г. Крысько «Социальная психология» менталитет трактуется как «стиль жизни, культуры; система ценностей, взглядов, мировоззрения, черт характера и норм поведения» [4]. А в словаре «Социальная психология» под редакцией М.Ю. Кондратьева менталитет определяется как «специфика психической жизни людей, детерминированная... экономическими и политическими обстоятельствами и имеющая надсознательный характер» [5].

Менталитет – это совокупность принятых и в основном одобряемых обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей. В сознании отдельного его члена менталитет общества представлен в степени, которая зависит от его активной или пассивной позиции в общественной жизни. Являясь наряду с наукой, искусством, мифологией, религией одной из форм общественного сознания, менталитет не закреплен в материализованных продуктах, а, если можно так сказать, растворен в атмосфере общества, имеет надсознательный характер.

Если обратиться к истории общественного сознания в СССР, то можно было бы выделить основные составляющие менталитета «советского человека», складывавшиеся на протяжении семидесяти лет после 1917 года, и хотя и подверженные изменениям в последние годы, но далеко еще не исчезнувшие. Они могут получить условные наименования, метафорический характер которых способствует прояснению их сущности и смысла.

Одной из основных составляющих менталитета «советского человека» является так называемое «блокадное сознание». Политика, которой придерживалось государство с первых лет своего существования, формировало в сознании советских людей постоянное ощущение опасности, связанной с угрозой нападения внешнего врага. В роли потенциального агрессора в разное время выступали разные страны: Англия, Германия, Соединенные Штаты, Финляндия, Япония, Китай и др. В некоторых случаях для этих опасений были основания, как об этом, к примеру, свидетельствует нападение гитлеровского «третьего рейха» на СССР в 1941 г. Но даже, если реальной угрозы не было, пропагандистские органы раздували страх перед неизбежной войной, навязанной потенциальным агрессором. Едва ли не до начала 90-х годов в менталитете советского общества сохранялось напряженное ожидание «неспровоцированного нападения» на страну, делающую, как утверждалось, все возможное в неустанной «борьбе за мир». Страх перед ядерной войной в сознании конкретного человека обеспечивал готовность выдержать и оправдать любые тяготы и лишения во имя спасения детей и себя от надвигающейся угрозы «ядерного уничтожения». В настоящее время заметны изменения менталитета. Налицо отход от «блокадного сознания». Все большее число людей осознает, что ожидать неспровоцированного ядерного удара (во всяком случае, со стороны Запада) нет оснований. Образ внешнего врага все больше и больше тускнеет, «испаряется» из сознания людей.

Еще одна составляющая – «семейная стриптизация». Уникальной особенностью советского общества являлось обнажение интимного мира семейных взаимоотношений – то, что можно условно назвать семейной стриптизацией. Поскольку семья рассматривалась как ячейка общества, а советское общество идентифицировалось с государством, то в менталитете «советского человека» считалось неоспоримым естественным правом государства и его партийного руководства управлять и командовать семьей как любой государственной структурой. Многие советские люди не видели ничего противоестественного в фактах вмешательства официальных инстанций в интимную сферу их жизни. Вероятно, только в социалистическом обществе в случае измены мужа женщина считала для себя возможным обратиться в официальные партийные или административные органы с просьбой, а то и требованием, вернуть супруга в лоно семьи. Разведенному полагалось писать в некоторых официальных документах: «Состою в разводе с гражданкой Н. Причины развода известны парторганизации».

Нередкими были случаи, когда партийные комитеты обсуждали и принимали меры к родителям, которые допускали, с точки зрения руководителей парткомов, ошибки в воспитании

детей. При этом считалось вполне допустимым использование стеновой печати, заводского радио, разборки на партсобраниях и т.п. Надо полагать, атавизмом семейной стриптизации являются родительские собрания в школах, где классный руководитель публично позорит одних родителей за проступки и недостатки их детей, усиливая унижение неумеренными похвалами по поводу других учеников, чьи отцы и матери присутствуют здесь же. По мере становления правового цивилизованного общества, мера открытости или закрытости мира семьи, за исключением очевидных криминальных обстоятельств, будет определяться самой семьей, что приведет к существенным сдвигам в сознании ее членов.

Важно рассмотреть и такую составляющую менталитета «советского человека», как ханжеская десексуализация. Сложившаяся к началу 30-х гг. в официальной идеологии концепция «советского нового человека», главной целью которого в каждый момент его жизни остается, якобы, построение светлого коммунистического будущего, усиливала пуританский характер общественного сознания. Мир интимных чувств человека, уводящий его в сторону от служения общественному идеалу, был изначально враждебен идеологии тоталитарного общества. В наибольшей степени это относилось к сфере сексуальных отношений.

Идеологическое табу на протяжении десятков лет накладывалось на все, что было связано с отношением полов и в особенности на упоминания о собственно физиологической стороне этих отношений. Изображения и показ обнаженного тела, за исключением известных классических образцов, подвергались придирчивой цензуре и полностью исключались для кинематографа. Педагогическое табу в отношении любых вопросов, относящихся к половой жизни, оставалось законом для школы, даже если это могло касаться старшеклассников, находящихся на пороге брачного возраста. На этом основании строилась «бесполовая педагогика».

Ханжеская десексуализация в качестве компонента менталитета «советского человека», как запомнилось многим, была прорекламирована на одном из первых телемостов «СССР – США», когда одна из советских участниц заявила, что в Советском Союзе «секса нет». Однако после того, как в период «перестройки» были сняты идеологические запреты, в сознании людей – если не всех, то многих, – стала проявляться другая крайность как реакция на бывшее табуирование: терпимое отношение, а то и активное оправдание грубой порнографии, примирительное отношение к проституции. В настоящее время баланс между ханжескими запретами и сексуальной вседозволенностью в сознании людей еще не установлен. Это порождает многие трудности, с которыми сталкиваются и не всегда успешно разрешают педагоги, врачи-сексологи и родители.

Следует, однако, помнить, что менталитет «советского человека» не отрицал существования и проявления других черт, складывавшихся на протяжении столетий. Всем известны такие качества, как бескорыстное гостеприимство и хлебосольство, взаимовыручка и отзывчивость, отсутствие национального чванства, наличие обостренной потребности в защите Родины, которая сыграла решающую роль в годы Великой Отечественной войны, и многие другие. Здесь черты менталитета совпадают с приметам национально-го характера. Можно, конечно, сказать, что эти качества скорее общечеловеческие и потому выпадают из категории менталитета. Действительно, но исключено, что будут узаны народы, имеющие такой же или подобный набор черт, но это не говорит еще об общечеловеческом их характере. «Советский менталитет» – это форма общественного сознания тоталитарного государства, внедренная в структуру личности его подданных, но менталитет народа всегда в чем-то совпадал, а в чем-то не совпадал с инвариантами мышления и поведения, заказанными и санкционированными сверху.

1. Абульханова-Славская, К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подход / К.А. Абульханова-Славская // Российский менталитет. – М., 1997 – 435 с.
2. Введение в психологию: учебник для вузов / под ред. А.В. Петровского. – М.: Академия, 1996 – 496 с
3. Иванова, Т.В. Социально-психологические проблемы городской ментальности: автореф. дис. доктора псих. наук / Т.В. Иванова; СамГПУ. – Ярославль, 2004
4. Крысько В. Социальная психология: учебник для вузов / В. Крысько. – 2-е изд. – СПб: Питер, 2006.
5. Социальная психология: словарь / сост. М.Ю. Кондратьев – М.: Речь, 2005.

Стрекалова Е.Н. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

«КОРЕНИЗАЦИЯ» И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ЗАДАЧИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-е гг.

Формирование наднациональных объединяющих начал советской идентичности и решение «национального вопроса» в период образования СССР актуализируют необходимость изучения проходивших процессов. В этом контексте значительный интерес представляет проходивший процесс создания национальной интеллигенции у северокавказских народов, что провозглашалось государственной задачей для преодоления «исторического неравенства» уже с самого начала 20-х гг.

Подготовка национальных кадров интеллигенции являлась не только и даже не столько культурной, а скорее политической задачей. Северокавказские исследователи процесса формирования национальной интеллигенции отмечали практически полное отсутствие образованных людей из местных горских народов вплоть до первых десятилетий XX века. Немногочисленные представители интеллигенции региона в большинстве своем были русскими, приезжими, либо относились к чиновничеству и духовенству [1, 12, 17, 25]. Неотъемлемой чертой новой интеллектуальной элиты должна была стать политическая лояльность к советской власти и марксистской идеологии.

Северный Кавказ начала XX столетия представлял собой аграрную окраину Российской империи. Процессы модернизации медленно втягивали местные народы в водоворот российского капиталистического процесса. В преимущественно аграрной экономике региона рельефно выделялось крупное промышленное производство. Это были Грозненские, Майкопские и Кубанские нефтяные промыслы, цветная металлургия в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии, цементные заводы Новороссийска [16, с. 398–400]. Регион нуждался в учителях, агрономах, инженерах. Однако подготовке специалистов из местных народностей препятствовал низкий уровень грамотности, отсутствие светской школы, органов печати, у некоторых не было письменности на родном языке. Анализ данных даже к 1920 г. показывает, что наибольший уровень грамотных был в Северной Осетии – 12 % [17, с. 4]. Среди общего количества грамотных (9,2 %) в Дагестане образование на русском языке получили только 2,5%. Самые низкие показатели грамотности были в Чечне и Балкарии – 0,8 %, в Кабарде – 2,1 %, в Ингушетии – 3 %, в Черкесии – 4,3 %, в Карачае – 6,7 % [11, с. 168; 17, с. 37]. Безграмотность являлась главным препятствием на пути получения профессионального образования горскими народами.

Показатели грамотности северокавказских народов, да и других народов России к 1920-му г., объясняют, почему в одной из последних своих работ В.И. Ленин писал, что предстоит уйма работы, чтобы на почве «пролетарских завоеваний достигнуть сколько-нибудь культурного уровня, цивилизованного государства Западной Европы». Также от-